

Онтологическое измерение обыденных рассуждений

В. Г. Денисова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

`m.sc.denisova@mail.ru`

Аннотация. В статье предлагается новый взгляд на проблематику когнитивных искажений в свете онтологических взглядов У. В. О. Куайна. Мы исследуем критику Куайном идей бихевиоризма — психологического течения, в своем аналитическом виде уходящего корнями в философское движение логических позитивистов, а именно представления последних о том, что значение утверждений, используемых в науке, должно пониматься в терминах экспериментальных наблюдений, подтверждающих их истинность. В своей критике положений бихевиоризма Куайн указывал на важную роль естественного языка и логики в научной практике. В статье мы рассматриваем критерий онтологического обязательства Куайна в свете обыденных рассуждений, показываем его ограниченность из-за определения существования объектов в рамках только конкретной научной теории. Используя современный подход к выявлению когнитивных искажений, мы рассматриваем их через призму онтологии, а именно связываем когнитивные искажения людей с их личными представлениями о том, что реально, подчеркивая, что представления человека не детерминированы никакой теорией.

DOI: 10.52119/LPHS.2024.30.43.002.

Ключевые слова: У. В. О. Куайн, онтологическое обязательство, когнитивные искажения, логика первого порядка, обыденные рассуждения.

Критика Куайном идей бихевиоризма. Уиллард Ван Орман Куайн (1908–2000) — американский философ, логик и математик, он выступил за холистический и натуралистический подход к научному знанию. Основные работы Куайна приходятся на середину XX века, то время, когда философия науки претерпевала значительные изменения. Традиционным взглядам на науку, которые подчеркивали важность наблюдений и эмпирических данных при разработке научных теорий, был брошен вызов новыми идеями, которые были сосредоточены на роли естественного языка и логики в научной практике. Работа Куайна стала ответом на эти изменения, поскольку он стремился дать более полное представление о науках, объединяющее как эмпирические, так и теоретические элементы.

В начале XX века новое направление в психологии — бихевиоризм — приобрел известность как реакция на преобладающие интроспективные методы в психологии. Такие психологи, как Уотсон и Скиннер, утверждали, что психология должна сосредоточиться на наблюдаемом поведении, а не на ненаблюдаемых психических состояниях, которые, по их мнению, были субъективными и ненадежными. Бихевиоризм доминировал в психологии в течение нескольких десятилетий, формируя методы исследований и теории в этой области.

Подчеркнув ограниченность бихевиоризма, а также роль языка в формировании представлений о том, что существует в реальности, Куайн проложил путь к более междисциплинарному и целостному подходу к изучению когнитивных способностей человека. Критика Куайном бихевиоризма поставила под сомнение его фундаментальные предпосылки и выявила его ограничения. В своей основополагающей работе «Слово и объект» (1960) Куайн утверждал, что бихевиоризм не смог адекватно отразить сложность человеческого языка и познания. Он отметил, что бихевиористские теории часто опираются на упрощенные модели «стимул — реакция», которые упускают из виду богатое семантическое содержание языка. Критика Куайна была сосредоточена на идее о том, что поведение человека — это не просто реакция на

внешние раздражители, оно формируется внутренними психическими процессами, которые не могут быть легко сведены к наблюдаемому поведению.

Взгляды Куайна относительно важности языка и смысла в формировании представлений о том, что реально, проложили путь к развитию когнитивной психологии. Куайн рассматривает научное знание не как нечто отличное от обыденного человеческого знания, а как результат попыток улучшить наши обыденные знания о мире: «Наука — это не замена здравого смысла, а его расширение» [9, с. 229]. Ученый, пишет Куайн, «неотличим от обычного человека в своем чувстве очевидности, за исключением того, что ученый более осторожен» [9, с. 229]. В начале 1960-х годов в психологии произошла когнитивная революция. Эта революция привела к смещению акцента с бихевиоризма на когнитивную психологию, подчеркивающую влияние мыслей и убеждений на поведение и эмоции человека. Именно на этапе возникновения и развития когнитивной психологии психиатры, проводившие эмпирические исследования, стали выделять когнитивные искажения или особые паттерны в мышлении людей, которые приводят к нежелательным эмоциям и поведению.

Онтологическое обязательство Куайна. Куайн утверждает, что «Вселенная сущностей — это диапазон значений переменных» [8, с. 708]. Именно в статье «Designation and Existence» Куайн впервые утверждает, что «существовать — значит быть значением переменной» [8, с. 708], хотя он не идет дальше обсуждения онтологических вопросов. Позже, в своей статье «О том, что есть», Куайн (1948) фокусируется на сложностях, возникающих в попытках привести аргументы в пользу существования отдельных объектов.

Куайн спорит с воображаемым оппонентом, McX (на русск. МакЭкс), который признает существование вещей, которые Куайн отказывается признавать. Аргументы, опровергающие существование некоторого объекта или объектов, изначально сталкиваются с двумя, казалось бы, неразрешимыми трудностями. Такие аргументы имеют смысл, как мы покажем ниже, только в том случае, если в действительности есть что-то, чего, как утверждается, не существует. Кроме того, если есть что-то, о чем приводится этот аргумент, аргумент должен быть ложным. Следовательно, «в любом онтологическом споре сторонник негативной стороны страдает от того, что не может признать, что его оппонент не согласен с ним» [9, с. 21].

Например, если кто-то отрицает существование вымышленной сущности, скажем, Пегаса, он должен назвать что-то как «Пегас», чтобы отрицать это. Таким образом, Куайн продолжает: «Это старая платоновская загадка небытия. Небытие в каком-то смысле должно быть, иначе чего же такого нет? Эту запутанную доктрину можно было бы назвать бородой Платона; исторически она оказалась жесткой, часто притупляя лезвие бритвы Оккама» [9, с. 21–22].

Возможный ход рассуждений в пользу принятия существования абстрактных и воображаемых сущностей состоит в том, чтобы сказать, что, если некоторые объекты не являются физическими, они должны быть ментальными. Однако, когда мы говорим, что существует сущность, которая является ментальной Пегас-идеей, «мы говорим о сущности иного рода, чем та, которую мы имеем в виду, когда отрицаем существование Пегаса. МакЭкс никогда не путает Парфенон с Парфенон-идеей. (. . .) Но когда мы переходим от Парфенона к Пегасу, возникает путаница» [9, с. 22].

Что касается теорий, для Куайна наука является тем арбитром, благодаря которой признается существование тех или иных сущностей. В этом позиция Куайна похожа на позитивизм Карнапа, который стремился прояснить язык науки и философии, сосредоточив внимание на

логической структуре утверждений и их связи с эмпирическими наблюдениями. Если возвращаться к теме когнитивных искажений, ключевой вопрос, мы полагаем, заключается в том, как определить, «что реально». Для Куайна ответ заключается в том, как мы уже отмечали выше, что наука является высшим арбитром. Мы считаем, что это слишком позитивистский взгляд на проблему, и делаем вывод, что это вопрос того, что считается «реальным» при использовании естественного языка в обыденной жизни. Таким образом, мы также можем объяснить тот факт, что в рассуждениях некоторых людей что-то реально в соответствии с естественным языком, который они используют.

Сам вопрос о единообразии понятия существования возникает в рамках семантики. Куайн показал, что наше отношение к различным типам сущностей не зависит от того, как мы интерпретируем существование. Проблема существования определенных типов сущностей в первую очередь описывается в терминах референций. Она сводится к проблеме естественного языка, а именно с тем, обозначают ли некоторые термины что-либо или нет. Реджиментация, или перевод на язык логики предикатов первого порядка, принятая Куайном, делает контекст принятия решений по онтологическим обязательствам более точным. Критерий связанной переменной совпадает с тем, как мы формулируем теории. Однако язык логики первого порядка становится средством раскрытия сути научных теорий, но не того, что считает реальным человек в ходе своих рассуждений с использованием естественного языка.

Заключение. Куайн определил существование через значение связанной переменной. Мы указали на связь наличия когнитивного искажения и естественного языка, на котором говорит человек, а также связь естественного языка и существования объектов в той или иной теории. Критерий онтологического обязательства Куайна сформулирован для экстенционального языка логики предикатов первого порядка. Однако реджиментация осуществлялась на язык логики предикатов первого порядка, который крайне ограничен при формализации особенностей естественного языка, на котором люди рассуждают в обыденной жизни. Необходимость прибегнуть к семантике более выразительных интенциональных логик связана прежде всего с наличием имен собственных в естественном языке.

Применительно к обсуждению вопроса определения когнитивных искажений это означает, что их наличие также связано с выразительностью и особенностями естественного языка. То есть то, что человек определяет как существующее в ходе обыденных рассуждений на определенном естественном языке, может не существовать в рамках пропозиций, переписанных на язык логики предикатов первого порядка.

Литература

1. Атакуев М. Н. Причины и следствия цифрового возрождения бихевиоризма. *Цифровой ученый: лаборатория философа*, 2023, т. 5, № 3, с. 103–116.
2. Головкин Н. В. Натурализация метафизики: научный реализм и диалектический материализм. *Вопросы философии*, 2013, № 8, с. 24–33.
3. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / пер. А. В. Кезина. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*, 1993, № 6, с. 11–26.
4. Beck A. T. Thinking and depression: 1, Idiosyncratic content and cognitive distortions. *Archives of General Psychiatry* 9, 1963, p. 324–333.
5. Davidson D. The Method of Truth in Metaphysics. *Midwest Studies in Philosophy* 2.1, 1977, p. 244–254.

6. Friedman H. Overcoming Cognitive Distortions: How to Recognize and Challenge the Thinking Traps that Make You Miserable. Preprint. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/375375435_Overcoming_Cognitive_Distortions_How_to_Recognize_and_Challenge_the_Thinking_Traps_that_Make_You_Miserable (accessed: 28.03.2024).
7. Glock H. J. *Quine and Davidson on Language, Thought and Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
8. Quine W. V. O. Designation and existence. *Journal of Philosophy* 36.26, 1939, p. 701–709.
9. Quine W. V. O. On what there is. *Review of Metaphysics* 2, 1948, p. 21–38.
10. Quine W. V. O. The Scope and Language of Science. *British Journal for the Philosophy of Science* 8.29, 1957, p. 1–17.
11. Quine W. V. O. Two dogmas of empiricism. *Philosophical Review* 60, 1951, p. 20–43.
12. Quine W. V. O. *Word and Object*. Cambridge: MIT Press, 1960.
13. Kripke S. Identity and necessity. *Identity and Individuation* / ed. by M. K. Munitz. NY: New York University Press, 1971, p. 135–164.
14. Rayo A. Ontological commitment. *Philosophy Compass* 2.3, 2007, p. 428–444.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.